

УДК 94(470)

Шматова М.Б.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

**ЖУРНАЛ «РУССКИХ БЛАНКИСТОВ» «НАБАТ»
В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОСТЕЙ***

M. Shmatova

*The Moscow State Humanitarian University
named after M.A. Sholokhov*

**THE MAGAZINE OF RUSSIAN «BLANKISTS» «NABAT» («ALARM»)
IN THE ESTIMATION OF CONTEMPORARIES**

Аннотация. Статья посвящена анализу оценок современников, которые они давали журналу русских бланкистов «Набат». Журнал издавался в 1875 - 1881 годах идеологом бланкистского течения в народничестве П.Н. Ткачевым. Это издание имело свою информационную специфику, свой облик и пропагандистские цели. Он громко выступал против своих оппонентов, сторонников пропагандистской тактики П.Л. Лаврова и анархизма М.А. Бакунина. Журнал проповедовал тактику натиска революционного меньшинства на самодержавное государство, он агитировал за политическую борьбу, за захват власти.

Ключевые слова: журнал «Набат», русский бланкизм, П.Н. Ткачев, народовольцы, социализм. М.А. Бакунин, анархизм, П.Л. Лавров, революционное движение.

Abstract. The articles of M.B. Shmatova is devoted the analysis of estimations of contemporaries, which they gave to the magazine of Russian blankists «Nabat» («Alarm»). This magazine was published in 1875 - 1881 by the ideologist of blankists currents P.N. Tkachyov. This edition had its informational specificity, its own shape and propaganda purposes. It loudly opposed the opponents, supporters of propaganda P.L. Lavrov's tactics and M.A. Bakunin's anarchism. The magazine advocated the tactics of the pressure of revolutionary minority on the autocratic State, he agitated for political strike, for power capture.

Key words: magazine «Nabat» («Alarm»), Russian blankism, P.N. Tkachiov, narodovoltzi, socialism, M.A. Bakunin, anarchism, P.L. Lavrov, revolutionary movement.

Русская революционная эмиграция в середине 1870-х гг. развернула деятельность на Западе с целью заявить свою позицию в условиях европейской свободы слова. Ее активисты стремились добиться того, чтобы их голос «с того берега» был услышан в России, где молодежь революционного подполья готовилась к «хождению в народ». Но эмигрантская среда, как известно, не представляла тогда собой идейного единства. Разобщение во взглядах на тактику борьбы за социализм в России сталкивало сторонников П. Лаврова, М. Бакунина и П. Ткачева. Материальным воплощением теоретических исканий лидеров революционной эмиграции стала пресса. Ее роль в истории российской общественно-политической мысли и революционного движения достаточно широко освещена в литературе. При этом наибольшее внимание уделено изданиям П.Л. Лаврова (газете и журналу «Вперед!»). Менее изучен журнал «Набат», издававшийся в 1875-1881 гг. идеологом бланкистского течения в народничестве П.Н. Ткачевым. Между тем это издание имело свою информационную специфику, свой облик и пропагандистские цели. Проповедуя тактику натиска революционного меньшинства на самодержавное государство, «Набат», в отличие от других органов эмигрантской

* © Шматова М.Б.

социалистической прессы, агитировал за политическую борьбу и захват власти.

Не случайно В.И. Ленин отдавал должное тому, кто являлся предшественником большевиков в радикальном разрешении вопроса о тактике революционной борьбы. По свидетельству В.Д. Бонч-Бруевича, Ленин «внимательно изучал «Набат» и другие произведения Ткачева и хотел собрать все то, что Ткачев писал в легальной прессе» [1, 113]. С этой целью один из сотрудников библиотеки РСДРП в Женеве просматривал, хотя и безуспешно, различные материалы 1870-х гг., чтобы отыскать произведения Ткачева [10, 596].

В историографии русского бланкизма и журнала «Набат» видное место занимают труды Б.М. Шахматова, И.С. Вахрушева, Е.Л. Рудницкой. Б.М.Шахматов подробно описал ситуацию создания журнала «Набат», поиски Ткачевым путей выхода из изоляции, в которой тот оказался в 1870-х–1880-х гг., отметил попытку сблизиться с «Народной волей» [6, 23-24]. Историк одним из первых раскрыл значение «Набата» в политической и общественной деятельности Ткачева за границей, представил его соратников, выявил цели и задачи журнала.

В исследовании И.С. Вахрушева дана еще более подробная история появления этого издания, характеристика редакторов и опубликованных материалов. Автор затронул тему распространения «Набата» в России, поставил множество спорных и не разрешенных вопросов, косвенно связанных с изданием «Набата», таких, как вопрос о существовании «Общества Народного Освобождения», причастность журнала к организации террористических актов, которые совершались в России народолюбцами [2, 78-96].

Е.Л. Рудницкая обратилась к публицистике «Набата» в монографии, посвященной русскому бланкизму. «Именно в «Набате», - утверждает исследовательница, - под пером Ткачева русский бланкизм получает свое окончательное завершение» [7, 111].

В целом в трудах отечественных историков показана идейная дистанцированность

русского бланкизма от других течений, что и отразили публикации «Набата». Громкие выступления журнала против своих оппонентов, сторонников пропагандистской тактики П.Л. Лаврова и анархистской – М.А. Бакунина, обеспечила ему особое место в истории революционной прессы и политической мысли России.

Для изучения истории «Набата» определенный интерес представляют оценки современниками этого издания и взглядов его создателя, П. Ткачева. В мемуарах известных деятелей революционного движения В.Н. Фигнер, Л.Г. Дейча, Н.А. Морозова, Н.С. Русанова, бежавших от полицейского преследования в Европу, запечатлены их встречи с П. Ткачевым в Женеве, где и было организовано издание «Набата».

Наиболее полные сведения содержат воспоминания Л.Г. Дейча «Русская революционная эмиграция 70-х годов», где редактор «Набата» представлен в двух «измерениях». С одной стороны, Дейч утверждает, что «решительно все признавали» Ткачева чрезвычайно талантливым и довольно сведущим публицистом и полемистом, имевшим за собою значительное революционное прошлое и «занимавшим известное положение в легальной литературе»: его уважали, как соратника знаменитого критика Д. Писарева в «Русском слове», публицистика которого отличалась «хлестким, забористым стилем». Блестяще владел им и П. Ткачев, что создало ему среди «тогдашней молодежи большую популярность», а побег за границу, при участии П.Л. Лаврова, поставил «его в ряд наиболее крупных эмигрантов – вожаков» [3, 82]. Появление в Европе Ткачева в 1874 г. вселило надежды в революционной среде, а Лавров даже приглашал его к сотрудничеству в своем журнале «Вперёд!».

С другой стороны, по оценке Дейча, Ткачев занимал «совершенно исключительное положение в революционном движении семидесятых годов», чему способствовал издававшийся им с 1875 г. журнал «Набат». Статьи этого журнала выявили принципиальные разногласия между Ткачевым и

«преобладающим большинством тогдашних деятелей», которые «пришли в ужас» настолько, что даже стали избегать каких-либо личных с ним сношений. Причину такой реакции Дейч объяснил так: «Известно, что социалисты первой половины 70-х годов отличались резко отрицательным отношением к политической борьбе – к вопросу о завоевании для России конституции, они считали совершенно безразличным для экономического положения трудящихся существование самодержавной, конституционной монархии или республики, и были глубоко уверены, что социальные условия нашей родины настолько во многих отношениях благоприятны, что нам удастся из неограниченной монархии прямо перейти в коммунистическо-анархический строй. Диаметрально противоположную проповедь нес Ткачев» [3, 82].

В этой «проповеди» «Набата» осуждались методы борьбы лавристов и бакунистов. Ткачев считал, что они были преступны, поскольку призывать революционную молодежь с точки зрения искомого результата пропагандировать социализм при монархическом строе бессмысленно и губительно.

Дейч выделил в программе «Набата» ключевую мысль: «Единственной плодотворной задачей русских революционеров может и должен стать заговор с целью захвата государственной власти революционерами. Эта задача легко осуществима в России, так как государственная власть не имеет в нашей стране никаких твердых основ, за ней нет исторических традиций, она висит в воздухе и держится исключительно благодаря лишь привычке масс к повиновению, но при малейшем натиске со стороны революционеров она разлетится, как пыль. Несколько тысяч молодых революционеров, составят заговор и, расшатав путем цареубийства и других террористических актов власть, легко смогут захватить ее в свои руки. Революционер должен проникнуться сознанием, что не пропаганда делает возможной революцию, а наоборот, только после революции пропаганда станет возможной. Пока же необходимо не готовить революцию, а делать ее. Для

этого следует создать крепкое, сплоченное, централизованное и основанное на строгой иерархии тайное общество, наподобие всех тех, которые с древних времен возникали для борьбы с деспотами» [3, 83].

Мемуарист ретранслировал программу «Набата», чтобы подчеркнуть, на какой почве возникла необратимая идейная вражда между Ткачевым и Лавровым и эмигрантской средой, где придерживались революционной аксиомы: «Освобождение народа должно быть делом самого народа» [3, 83]. Идеи, проповедуемые «Набатом», стали называть «якобинскими».

Не поддержали русские социалисты и призывы «Набата» создать тайное общество. Дейч и его соратники видели в этом повторение «нечаевщины». Явившись «на политическую арену» Европы вслед за скомпрометировавшим себя нечистоплотными приемами Нечаевым, Ткачев, пояснял Дейч, предложил похожую идею о тайном обществе: «По нашему убеждению, с задачами, которые выдвигал Ткачев, и с предложенной им организацией, неразрывно связаны были мистификации, обманы, всякого рода недостойные приемы, даже тайные убийства и другие преступления». Близость Ткачева «к мистификациям С. Нечаева», писал Дейч, вызывала у тогдашних революционеров, «судороги от злости, негодования и возмущения Ткачевым». Одним своим именем он вызывал к себе такое озлобление и негодование, какого не было к другим эмигрантам. С ним не полемизировали, все «отвернулись от него» [3, 84].

Сильное возмущение в среде народников-эмигрантов вызвало заявление в «Набате» о том, что В.И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова по решению тайной «бланкистской» организации. Было принято решение опубликовать опровержение. Оно появилось в эмигрантской газете русских анархистов «Община» (№ 8-9) за подписями И. Бохановской, Л. Дейча, В. Засулич, С. Кравчинского, Я. Стефановича. «Ткачев, – вспоминал Дейч, – не опровергал наших доводов и доказательств лживости

его сообщения. Он с присущей ему развязностью и хлестаковством заявил, что наша заметка как раз на руку III-му Отделению. Отношения после этого еще больше обострились» [3, 86].

Завершая рассказ о «Набате», Дейч сделал неожиданное признание: «Тогда, летом и осенью 1878 г., мы все были глубоко убеждены, что русские революционеры, не только далеки от «якобинства», но что к нему они впредь будут относиться с глубокой апатией. Но, увы, неизмеримо скоро оказалось, что мы глубочайшим образом заблуждались насчет стойкости как взглядов, так и чувств тогдашних наших товарищей. В этом же отношении Ткачев обнаружил куда большую дальновидность, чем мы все. Пример 1879 г. создание «Народной воли» и ее метод террора. В виду чрезвычайно крупного значения, которое в истории нашей страны сыграли народовольцы приходится признать, что пропагандистская роль «Набата» оказалась далеко не безрезультатной. Напротив, программные статьи Ткачева в его журнале имели огромный успех в течение нескольких десятилетий» [3, 86].

Таким образом, Дейч вынужден был согласиться с тем, что дальнейшая практика борьбы за социализм в России складывалась под влиянием «набатовской» или бланкистской «проповеди» Ткачева. Именно поэтому, говоря о лидерах народнического движения, мемуарист ставил редактора «Набата» в один ряд с ними.

Обратимся к воспоминаниям В.Н. Фигнер. В годы Шлиссельбургского заключения она начала писать записки, которые потом вышли под названием «Запечатленный труд». В нем есть страницы, посвященные П.Н. Ткачеву и «Набату». Встреча Ткачева и Фигнер произошла в Швейцарии, в Берне, который являлся центром притяжения русских революционеров. Давая оценку личности Ткачева, Фигнер отмечала, что «он был веселый и занимательный собеседник, очень живой и общительный», поэтому она не пренебрегала общением с ним [9, 129]. Отсюда утверждение Дейча об изоляции Ткачева в эмигрант-

ской среде представляется несколько преувеличенным.

Для Фигнер личность Ткачева и идеи его «Набата» были разделимы. Человеческое обаяние редактора «Набата» не удержало Фигнер от жестких констатаций в отношении его позиции в революционном движении и здесь ее мнение во многом созвучно мнению Дейча. «Ткачев явился к нам, – писала Фигнер, – с программой якобинской и централистической, и так как он пользовался репутацией человека, признающего фикции полезными в революционном деле, а мы были против политики Нечаева, то после нескольких бесед с Петром Никитичем мы отказались от предлагаемого союза» [9, 126-127].

Она подчеркивала, что партия «Народная воля» не находилась во власти идей Ткачева, что программа «Набата» отвергалась народовольцами: «Как далеки мы были от якобинства... Выставляя требование созыва Учредительного собрания, комитет [«Народной Воли» – М.Ш.] обещал подчиниться воле народа, выраженной его представителями, и смысл этого обещания был такой, что в случае, если бы народное представительство не оправдало надежд революционной партии, она обратилась бы не к насилию над ним, не к террору, а к пропаганде своих идей в народе, оказавшимся не на высоте положения» [9, 200]. Первоначально всякий террор отвергался народниками, Ткачев же его проповедовал как единственный метод революционной борьбы за социализм. Но, когда народовольческое движение «приняло боевой характер и атаковало самодержавие», пояснила Фигнер, «Набат» горячо приветствовал эти выступления и «приписывал себе, своему влиянию, поворот революционных сфер к политике. Напрасно» [9, 202].

Этот журнал, по ее убеждению, не имел прочных, налаженных связей с Россией. Она не видела ни одного номера в крупных городах и центрах страны, о нем не было разговоров. К последователям «якобинцев» в России Фигнер причисляла Заичневского, Южакова, Лаврениуса, Тимофеева, Спицына и Лебедева. Но из них настоящим «якобинцем», «рус-

ским бланкистом» был, по ее убеждению, только Тимофеев. Такой вывод она делает, основываясь на воспоминаниях самого Тимофеева, который помогал распространению «Набата» в России. В Петербурге вообще не существовало никакой организации для приема и распространения «Набата». Но его тиражи все же переправлялись [9, 202].

Больше позитивных черт в портрете редактора «Набата» в воспоминаниях А. Тверитинова. Впервые он встретился с ним в тот момент, когда тот практически разошелся с Лавровым и «доживал последние дни в издательстве «Вперёд!» [5, 38]. После не очень продолжительного общения Тверитинов составил довольно приятное мнение о Ткачеве, который, в отличие от Лаврова, проявил заинтересованность в общении с ним: «Ткачев мне был гораздо полезнее, чем Лавров» [5, 38].

Вспоминая о взаимоотношениях Ткачева и Лаврова, Тверитинов пытался понять, почему Лавров, зная убеждения Ткачева как «приверженца» Нечаева, все же помогал бежать ему и даже пригласил работать в свою редакцию. Свой вопрос он не оставил без ответа. «А приглашен был Ткачев, – только что бежавший из Луги, – рассуждал Тверитинов, – куда он с женой был выдворен административным порядком, – редакцией «Вперёд!» жить вместе в надежде, что состоится соглашение, но соглашения не состоялось, а приключилась вместо того ссора. Очевидно, Лавров, Смирнов и К^о рассчитывали, что Ткачев откажется от своих убеждений и будет воспевать вместе с ними общинное землевладение и круговую поруку» [5, 39].

Встречаясь с Ткачевым уже в Берне, Тверитинов глубже познакомился с публицистикой «Набата». Он сочувствовал идеям П. Ткачева, но при этом пытался найти объективную причину их непопулярности: так как «бернские студенты все были отчаянными лавристами, то, разумеется, ни брошюра Ткачева, ни сам автор ее успеха в Берне не имели. Ткачев был, как мне помнится, не совсем не прав в своей полемике с Лавровым, а может быть, даже почти совершенно прав. Но тогда

были такие времена, времена народнических, что всякий, кто не восторгался общинным землевладением и круговой порукой, казался, если не глупым то, во всяком случае, глуповатым человеком» [5, 61]. У Ткачева не было шансов в деле революционной пропаганды стать выше популярности Лаврова. Признание ценности теоретических идей Ткачева Тверитиновым – редкий факт, не характерный для умонастроений большинства эмигрантов, группировавшихся тогда вокруг П. Лаврова или М. Бакунина.

Откровенным и последовательным сторонником Ткачева стал народоволец Н.А. Морозов. С первой встречи с редактором «Набата» в Швейцарии он был покорен его умом, с большим удовольствием любил бывать у него и вести долгие беседы. Взгляды их совпадали по многим вопросам и, прежде всего, в отношении заговора как наиболее эффективного метода революционной борьбы. Но Морозов не находил среди своих товарищей понимания, порой ему «просто не давали договорить». Поэтому единственным человеком, с кем он мог быть до конца откровенным, был сам Ткачев. В своих воспоминаниях Морозов упоминает о двух встречах с Ткачевым, где они вели беседу о значении «хождения в народ» и оба не отрицали важности этого события в революционном движении. Но смысл этой акции они расценивали иначе, чем пропагандисты: «Хождение в народ» необходимо, но необходимо для того, чтобы узнать народ, ради которого они стремились к революции» [4, 322]. Похожими были их рассуждения о гражданской свободе: нельзя воплощать свои личные мечты, пока народ, ради которого все это делается, живет несвободно.

Морозов предпринимал попытку помочь Ткачеву установить контакты с «Народной Волей». В начале 1880 г. в публицистике «Набата» была заявлена мысль о влиянии бланкистской пропаганды на деятельность народовольцев, организовавших в России целый ряд покушений. Они предлагали свои средства и даже на первых порах свой печатный орган. Ткачев был готов закрыть «Набат»,

объявлял о своем присоединении к «Народной воле». Однако в мае 1880 г. Морозов получил из Петербурга письмо с неудовлетворительным отзывом о Ткачеве. Он пытался сгладить остроту ситуации, обнадежить Ткачева и просил надеяться на лучшее: «Вы знаете, – говорил Морозов, – что я в довольно значительной степени расхожусь с программой «Народной воли». Я (Морозов Н.А. – М.Ш.), например, не вижу пользы в пребывании Земского Собора или Учредительного собрания и думаю, что при теперешних условиях народной жизни он приведет только к санкции самодержавия, будет новым плебисцитом» [2, 64].

25 мая 1880 г. Морозов получил другое письмо, от Л. Тихомирова. «Весьма благодарны за предложение, – писал Тихомиров, – но в настоящее время в деньгах особенной надобности нет. Заведение наше почти готово, совместную редакцию, во всяком случае, считаем неудобной, принципиальных уступок никаких сделать не можем, что касается временных соглашений, то надо лучше ознакомиться с их программой, узнать, чего они хотят». Тут же он сделал приписку для Морозова, что денежные дела плохи, и они за высылку денег «будут благодарны» [2, 64]. Так был заявлен категорический отказ руководителей «Народной Воли» от сотрудничества с П. Ткачевым, что Морозов считал ошибкой.

Трагичные страницы жизни П. Ткачева описаны Н.С. Русановым. «В то время, когда мы познакомились с Ткачевым, – вспоминал Русанов, – то было поздней осенью 1882 г. – у него уже замечались некоторые странности, которые скоро обострились и кончились через несколько месяцев припадком буйного помешательства, а затем прогрессивным параличом, сведшим его три года спустя в могилу» [8, 73]. Он видел причину душевной драмы редактора «Набата» в следующем: Ткачев, рассуждал Русанов, сознавал «торжество некоторых идей, пропагандировавшихся им издавна, направления политического террора и строго централизованной заговорщической деятельности, осуществленной тогда «Народной Волей», которая, между тем, сто-

ронила его и предпочла даже обратиться для совместной революционной работы к его врагу Лаврову» [8, 74].

Русанов оказался более тонким и прозорливым аналитиком положения Ткачева в эмиграции, свидетелем отчаяния от осознания масштабности его намерений и окружавшей его атмосферы непонимания. Можно сказать, что Русанов был даже близок к героизации редактора «Набата».

Бланкистские идеи, пропагандировавшиеся журналом «Набат», как и сам факт появления его редактора в среде русской революционной эмиграции в середине 1870-х гг., были оценены современниками как неординарное явление. Одни из них свидетельствуют о полном неприятии «проповеди» Набата» (Дейч, Фигнер), другие (Морозов, Русанов, Тверитинов) – о своем сочувствии издательскому предприятию Ткачева и его взглядам на методы борьбы с самодержавным государством. Несмотря на различия в оценках, воспоминания современников ценны своей попыткой объяснить причины неуспеха Ткачева и «Набата». Они сходятся в констатации того, что умонастроение народников, в котором доминировали идеологемы П. Лаврова и М. Бакунина, исключало популярность Ткачева и его журнала. При этом очевидно, что Ткачев воспринимался некоторыми русскими социалистами весьма упрощенно, как последователь «мистификаций» С.Г. Нечаева. Но такая аналогия все же не привела Ткачева к ситуации полного игнорирования этой средой, с которой он стремился установить контакты, имея намерение переломить понимание задач борьбы за социализм в России в соответствии со своей теорией заговора. Несмотря на сосредоточенность мемуаристов (Дейча, Фигнер) на отрицательной реакции эмигрантов на программу Ткачева, они признавали его публицистический талант, притягательность его личности. В воспоминаниях Морозова и Русанова усилен позитивный контекст. Они видели в деятельности «Народной Воли» реализацию замыслов Ткачева и сочувствовали ему, отвергнутому народолюбцами. Признавая созвучность собственных взглядов

с «проповедью» Ткачева, Морозов, Русанов, Тверитинов дают основание предполагать, что «Набат» в ближайшей для того времени перспективе мог стать изданием, вокруг которого объединились бы леворадикальные силы русских социалистов. Из воспоминаний современников следует и тот вывод, что идеи Ткачева пережили их творца.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бонч-Бруевич В.Д. Библиотека и архив РСДРП в Женеве // Красная летопись. – 1932. – № 3(48). – С. 110-115.
2. Вахрушев И.С. Очерки истории русской революционной печати 1873 – 1886 гг. – Саратов, 1980. – 250 с.
3. Дейч Л. Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. – СПб. 1920. – 86 с.
4. Морозов Н.А. Повесть моей жизни. Мемуары. – М., 1965. – Т. 1. – 300 с.
5. Об объявлении приговора Н.Г. Чернышевскому, распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом воспоминания Алексея Тверитинова. – СПб. 1906. – 140 с.
6. Пустарнаков В.Ф. Шахматов Б.М. П.Н. Ткачев – революционер, публицист, мыслитель // Ткачев П.Н. Сочинения в двух томах. – М., 1976. – Т. 1. – С. 5-92.
7. Рудницкая Е.Л. Петр Ткачев: Русский Бланкизм // История СССР. 1991. – № 3. – С. 100-116.
8. Русанов Н.С. В эмиграции. – М., 1929. – 330 с.
9. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. – М. 1964. – Т. 1. – 280 с.
10. Шахматов Б.М. Библиографическое послесловие // Ткачев П.Н. Сочинение в двух томах. – М. 1976. – Т. 2. – С. 596-625.

УДК 745/749 (470-25) “1880-1890”

Малярова А.В.

Московский государственный областной гуманитарный университет

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1880-Х–1890-Х ГОДАХ*

A. Malyarova

Moscow State Regional Humanitarian University

SOCIAL AND ECONOMIC TRANSFORMATION OF DOMESTIC INDUSTRIES OF MOSCOW PROVINCE IN 1880-1890TH YEARS

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в социально-экономическом строе промысловых хозяйств Московской губернии во второй половине XIX в., происходившие в результате общей трансформации экономики страны. Несмотря на сохранение в целом традиционного характера хозяйственного уклада кустарей, модернизационные процессы создавали в кустарной промышленности региона динамическую систему, результирующуюся в генеральное направление дифференциации земледельческой и промышленной отрасли сельской экономики.

Ключевые слова: кустарные промыслы, традиционное хозяйство, модернизация, домашняя форма организации крупного производства.

Abstract. In the article the variations in social and economic base of trade facilities of Moscow province in the second half of the XIX-th century which are resulted from the general transformation of national economy are considered. Despite the conservation of traditional character of economic way of handicraftsmen, modernization processes created a dynamic system in the domestic industry of the region, resulting in the general direction of differentiation of agricultural and industrial branch of rural economy.

Key words: handicraft, traditional economy, modernization, domestic industry.

* © Малярова А.В.